

КОМИТЕТ

ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

3
283-3a

283-3a

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 3

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА

1925

ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Что такое социализм?	5
<i>Фр. Энгельс.</i> —О захвате власти «Исполн. Ком-том Народной Воли».	21
<i>П. А. Берлин.</i> —Плеханов-западник	28
—	
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Г. В. Плеханов в „Земле и Воле“	44
<i>Н. Кулябко-Корецкий.</i> —Мои встречи с В. И. Засулич	68
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Страница из воспоминаний о В. И. Засулич	82
<i>М. Каменская.</i> —Жизнь Г. В. Плеханова в конце 80-х г.г.	88
<i>Л. Дейч.</i> —Я. В. Стефанович среди народовольцев.	96
<i>Л. М. Л.</i> —В. Н. Игнатов	122
<i>Л. Г. Дейч.</i> —Из карийских тетрадей: III. Печальная весть с родины. IV. Аня.	129

ПИСЬМА:

<i>П. Б. Аксельрод.</i> —Товарищам в Швейцарию	139
<i>„Исп. Комитет“.</i> —К заграничным товарищам	143
<i>С. Кравчинский.</i> —К членам „Исп. Ком-та Нар. Воли“.	152
<i>Л. Дейч.</i> —К товарищам в Россию.	154
<i>С. Кравчинский.</i> —К Л. Г. Дейчу.	157
<i>Л. Дейч и Я. Стефанович.</i> —Переписка.	161
<i>А. И. Зунделевич.</i> —К Л. Г. Дейчу.	197
<i>Г. В. Плеханов.</i> —К В. И. Засулич.	227
<i>В. И. Засулич.</i> —К С. Кравчинскому-Степняку	243
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Переписка с иностранными товарищами	245

<i>Л. Дейч.</i> —Основательно ли нападение?	260
<i>Я. В. Стефанович.</i> —Русская революционная эмиграция	278
Показания „знатных путешественников“	293
<i>Р. М. Плеханова.</i> —Наши встречи со „знатными путешественниками“.	298
<i>Г. В. Плеханов.</i> —Новая драма в Сибири	304

Р. М. ПЛЕХАНОВА

СТРАНИЦА ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЗАСУЛИЧ

История покушения В. И. Засулич, так живо переданная здесь Н. И. Кулябко-Корецким, вызвала во мне рой воспоминаний о первых шагах моего революционного сознания, о том влиянии, которое имел поступок героической девушки на современную молодежь и о первой моей встрече с В. И. Засулич.

Дама, энергично расталкивавшая толпу, чтобы обратиться к «преступнице», была наша начальница высших женских медицинских курсов, генеральша Ермолова. Помню живо, как, вернувшись из дома градоначальника Трепова, она, вся раскрасневшаяся от волнения, рассказывала окружающим ее надзирательницам и слушательницам наших курсов о виденном и слышанном ею по поводу взволновавшего в то время весь Петербург, а затем и весь мир события.

— Вы не можете себе представить, — говорила торопясь наша начальница, — в какой я пришла ужас, когда меня вызвали в дом градоначальника, чтобы убедиться, не узнаю ли я в преступнице студентку наших медицинских курсов! Никогда в жизни я так не волновалась: если бы, действительно, эта девушка оказалась студенткой медицинских курсов, то школе нашей наступил бы конец, — ее немедленно закрыли бы, так как ее положение и без того шаткое. Но, слава богу, она оказалась не нашей.

Этот рассказ сильно разочаровал многих из нас, слушавших ее: нам было жалко, что самоотверженная девушка, отомстившая бесстыдному временщику за оскорбление товарища, вышла не из нашей среды. То, что сделала эта героиня,

за что она отдала в жертву свою молодую жизнь, было нам очень близко и дорого.

Помню, что известие о надругательстве над бывшим студентом Боголюбовым дошло до меня в имении отца, где я проводила свои каникулы: я вычитала его из газет, в которых об истязаниях Боголюбова сообщалось глухо.

Прошло с тех пор много лет, но я живо представляю смешанное чувство обиды, стыда, гнева и сознания, что этот факт неотомщенным остаться не должен. Я смутно чувствовала, что жизнь потеряет всякую ценность. Долго я не могла успокоиться. Думаю, то же самое испытывали многие из моих сверстниц и сверстников. Не только мы, молодежь, были под гнетом этого чувства, — все русское общество сознавало, что, если оно оставит это неслыханное глумление над личностью неотомщенным, печать презрения ляжет на нем на долгие годы.

Выстрел Засулич снял с нас, молодежи и русского общества, это бремя. Наша благодарность и поклонение перед этой героической девушкой были беспредельны. Мы считали ее счастливейшим человеком в мире, и каждый из нас желал бы быть на ее месте. Мы чувствовали, что заботы начальницы о целости курсов очень мизерны по сравнению с тем великим подвигом, на который решилась незнакомая нам, но дорогая девушка.

Три месяца спустя, в том же коридоре, где сообщила нам генеральша Ермолова о «преступнице», я читала вслух собравшимся вокруг меня подругам по курсам упомянутый в статье Кулябко-Корецкого знаменитый фельетон Градовского о процессе Засулич. Голос мой был взволнован, а глаза моих товарок горели радостью и энтузиазмом, когда я дошла до того удачного незабвенного места фельетона, где талантливый сотрудник «Голоса» сообщал об охватившей его иллюзии: ему вообразилось, что на скамье подсудимых сидят представители самодержавия и русского общества, не нашедшего в себе гражданского мужества, чтоб так или иначе заикнуться о поступке наглого временщика, а на месте судей сидит молодая, скромная, самоотверженная девушка не в качестве обвиняемой, а как неумолимый судья. Роли переменились ¹⁾.

¹⁾ Цитирую на память за неимением оригинала.

Впечатление, произведенное на меня героическим актом Веры Ивановны Засулич, было до того сильно, что меня охватила неотвязная мечта увидеть ее и выразить ей свои чувства восхищения и любви. На суд 31 марта 1878 г. мне попасть не удалось, так как зал был переполнен, когда я туда явилась, введенная известным в конце 70-х г.г. своим радикальным образом мыслей и неограниченными услугами, оказанными революционерам, судебным приставом Семевским.

Фотографическая карточка Засулич мне тоже не попадалась. Таким образом, я не имела представления о ее внешности, и только воображение рисовало мне те или другие образы идеального характера.

Прошло несколько месяцев. Однажды на студенческую квартиру, где и жила со своими товарками, явился ко мне мой знакомый земледелец Александр Хотинский с неизвестной дамой, которую он мне представил. Это была Мария Александровна Коленкина. Здороваясь со мной, она сказала: «А мы ведь с вами уже знакомы». На выраженное мною удивление она прибавила: «Помните, в Харькове на вокзале летом 1876 г.? Я с Дейчем сопровождала Веру Ивановну Засулич».

Слушая это сообщение, я действительно вспомнила эту встречу и пришла в такой неимоверный восторг от сознания, что лично давно уже знаю Веру Засулич, что, оставив гостей, вбежала в соседнюю комнату к своим товаркам с восторженным криком: «Я знаю Веру Засулич», и тут же расплакалась: это были слезы невыразимой словами радости.

В моей памяти воскресла вся картина встречи с тремя выдающимися представителями нашего революционного движения: Львом Григорьевичем Дейчем, Верой Ивановной Засулич и Марьей Александровной Коленкиной.

В жаркий августовский день наш поезд, пришедший с юга, стоял у харьковского вокзала. Я с моей приятельницей Теофилией Васильевной Полляк, высунувшись в окно, смотрели на проходивших по платформе, когда увидели приблизившихся к нам трех лиц: молодого, высокого, стройного юношу, поразившего меня своей изящной, красивой внешностью, бледным интеллигентным тонким лицом, сколько мне помнится, одетого в светлый костюм. Рядом с ним

шли две молодые женщины: одна миловидная, довольно изящно одетая, ничем особенным не бросавшаяся в глаза, другая, наоборот, сразу поразила меня своей внешностью, манерами, тоном, она энергично размахивала руками и говорила громким голосом.

Приблизившись к нашему окну, стройный юноша заговорил по-дружески, как старый хороший знакомый, с моей подругой Полляк. После первых приветствий он отрекомендовал своих спутниц и попросил нас принять в нашу компанию сразу поразившую меня молодую женщину. Ее он, помнится, назвал Верой Ивановой и сказал, что она едет к родным в Москву.

Мы с удовольствием и с живым любопытством приняли в свою среду оригинальную путешественницу, предоставив ей место около нас. Затем, после свистка стройный юноша с интересным лицом и его спутница, горячо распроставшись с Верой Ивановой, а также с нами, удалились.

От Теофилии Полляк я узнала, что юношу зовут Львом Дейчем, что он уже известный революционер, пользующийся популярностью в Киеве среди тамошней учащейся молодежи. Она хорошо знала всю его семью, так как, будучи гимназисткой, была подругой его сестер и жила у них некоторое время.

Когда я рассмотрела нашу новую спутницу, меня в ней все поразило. Как я уже сказала, во-первых, костюм — она носила серое платье неопределенной формы. Кажется, что описать последнее можно следующим образом: кусок полотна известного размера, в центре которого вырезана была дыра для головы, а по бокам находились две дыры для рукавов, куда были вставлены последние, бесформенные, неуклюжие. Этот кусок полотна, накинутый на нашу новую знакомую, поддерживался узким пояском, а края его висели, развеваясь во все стороны. На голове было что-то похожее не на шляпу, а скорее на пирог из скомканной серой материи. На ногах — неуклюжая широкая обувь собственного изделия ее обладательницы, как она нам позже объяснила. Все это дополнялось тем, что кармана в балахоне не было, и наша оригинальная спутница, чтоб достать носовой платок, поднимая край балахона, начинала рыться в тугο набитом кармане нижней юбки.

С нескрываемым любопытством смотрели мы на Веру Иванову, и удивление наше все росло. Чтоб понять всю степень его, не мешает сказать, что представляли в это время мы, юные студентки-барышни, еще находившиеся под материнским крылом, далеко еще не порвавшие с прошлым. Мы еще эгоистически пользовались привилегиями зажиточной среды, из которой, в особенности я, выходили. За лето мы отдохнули от учебного года, поправились. Чемоданы были наполнены бельем, платьем, всем, что нужно, чтоб не терпеть лишений в течение предстоящего учебного года. Возвращаясь домой после экзаменов весной на каникулы, я почти совсем не привозила вещей, так как наделяла ими подруг нашей студенческой коммуны. Удивляясь этому опустошению, мать моя вновь терпеливо наполняла чемоданы всем нужным ко времени моего отъезда.

Неудивительно поэтому, что крайний нигилизм Веры Ивановой произвел на меня сильнейшее впечатление: я увидела, что передо мной существо особое, не от мира сего; я начала присматриваться к ее лицу. Вся фигура Веры Ивановой была неуклюжа, громоздка, но это впечатление вызывал ее необыкновенный балахон. Лицо же ее, хотя и неправильное с широким точно приплюснутым носом, было чрезвычайно симпатично. Глаза ее искрились умом и добродушной легкой насмешкой. По мере того, как я вслушивалась в слова и рассказы нашей новой приятельницы, я все больше и больше поддавалась обаянию и очарованию ее личности.

Прежде всего Вера Иванова проявила к нам, юницам, безграничную доброту; она все боялась стеснить нас; заботилась о нашем покое, клала наши головы на свои колени. В особенности эту нежность она проявляла по отношению ко мне, вероятно, потому, что я была наиболее молодая среди своих товарок. Не знаю почему, но никогда я не испытывала такого счастливого чувства от ласки даже материнской, как в этот раз. Лицо нашего нового друга при этом принимало необыкновенно доброе выражение; улыбка делалась обворожительной.

Но что было еще более поразительно — это ее рассказы из жизни революционеров: о хождении в народ, о людях, полных самоотверженности, посвятивших жизнь великому

делу свободы и любви к народу, об их страданиях в тюрьмах, на каторге и в сибирской ссылке. Это были картины из еще сказочного для нас, но глубоко интересовавшего нас мира. Наш новый друг сам, повидимому, переживал период революционного энтузиазма, и это чувство передавалось нам.

Так провели мы незабвенных два дня, пока доехали до Москвы. Там на вокзале Вера Иванова с нами простилась, сказав, что ей очень не хочется идти к генералу, какому-то своему родственнику, но по каким-то соображениям она должна была это сделать. Опять удивление: генерал и эта чудная женщина, одетая в фантастический костюм собственного изделия! Как-то не связывались эти два образа.

С грустью я рассталась с этой обаятельной женщиной: я чувствовала, что зародившаяся во мне к ней привязанность была одна из тех, которые, раз явившись, остаются на всю жизнь.

После этого я встречала Веру Иванову несколько раз в Петербурге на политических сходках. Она всегда радовалась встрече со мной и была неизменно ласкова. Сколько мне помнится, она даже дала свой адрес, по которому можно было ее отыскать, но я ее не разыскивала. Объясняю это чувством робости, которое охватило меня в присутствии этой женщины, и сознанием той нравственной высоты, на которой она стояла: мне казалось, что я слишком маленький человек по сравнению с ней.

Из изложенного, полагаю, читатель поймет тот восторг, который охватил меня, когда я узнала от Коленкиной, что Вера Иванова, поразившая меня своей нигилистической внешностью и своим высококонрастным обликом, и Вера Ивановна Засулич одно и то же лицо.

Позже, в эмиграции, когда Вера Ивановна сделалась нам всем, т.-е. всей моей семье, очень близкой, чувство привязанности к ней и преклонения перед ней не только не убавилось, а все больше и больше укреплялось.
